

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

Рустам Ибрагимбеков

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ

ИДТИ СВОЕЙ ДОРОГОЙ

12 ИЮН 1984

ности Салманова и фактов его довольно драматичной судьбы.

— Но об этом был и ваш газетный очерк, опубликованный после поездки в Сибирь. Беглые зарисовки пейзажа, людей, графически четкая очерченность образов. Потом появились пьеса и фильм. Как это происходило?

— Правильно: жанр моего материала — именно «беглые зарисовки». Ведь я излагал в газете замысел своей будущей пьесы. А замысел — это лишь контур, абрис грядущей работы. Поэтому, естественно, пьеса, а затем и фильм, сделанный по инициативе моего друга режиссера Александра Прошкина, я надеюсь, полнее и глубже рассказали о человеке, сумевшем добиться поставленной жизненной цели ценой достаточно серьезных жертв. Такое «перерождение» одного жанра в другой происходило и с некоторыми другими моими сочинениями. Рассказы «День рождения» и «Командировка» стали затем телевизионным телефильмом «День рождения», а «Дача» — пьесой «Дом на песке». Может быть, одной из причин является подсознательное стремление достичь более совершенного результата или, возможно, осознанное желание расширить аудиторию, к которой я обращаюсь.

— Вы много работаете для театра. Что вы думаете о зрителе? Какие проблемы, на ваш взгляд, стоят перед театром в вопросе расширения его аудитории?

— Одна из острейших проблем театра в Баку — это именно проблема зрителя. Я много езжу и знаю, что нехватка театрального зрителя ощущается и в некоторых других республиканских столицах. И объяснять это снижение интереса к театру лишь конкуренцией других видов искусств и стремительно возросшими коммуникационными возможностями — захотел и через три часа ты в Москве, — мне кажется, неверно. Ходят же в театр в Тбилиси. Значит, интересно. Хотя рядом — то же кино, дома — то же телевидение и то же расстояние до Москвы.

За зрителя надо бороться, а не охватывать его оптом через местные профсоюзные организации. Это решение лишь финансовой проблемы, ибо случайный зритель чаще всего не готов к заинтересованному отклику на то, что происходит на сцене. Конечно, актеры должны уметь «работать» и с таким зрителем. Но нельзя, чтобы это повторялось изо дня в день. Ибо если нет ответного тока чувств из зрительного зала, гаснет духовная энергия актера. Я могу назвать режиссеров

разных возрастов, разного уровня подготовки и дарования, чьи работы привлекли внимание бакинского зрителя. С большим успехом прошли несколько лет назад гастроль в Баку театры из небольшого горного города Шеки, возглавляемого режиссером Г. Атакишиевым, который сейчас, несомненно, один из наиболее даровитых режиссеров в азербайджанском театре. Две последние работы народного артиста СССР М. Мамедова, сделанные после довольно долгого перерыва, — «Собрание сумасшедших» по пьесе Д. Мамедкулизаде и «Иблис» по пьесе другого нашего классика Г. Джавида на сцене Академического театра им. М. Азизбекова, — радуют свежестью и современностью режиссерского мышления и по-новому представляют зрителю одного из опытейших режиссеров азербайджанского театра. О последних спектаклях М. Мамедова говорят, на них ходит зритель, для которого актеры играют с такой самоотдачей, какой они в себе давно не ощущали.

Я абсолютно убежден, что потенциальные возможности азербайджанского театра на нынешнем витке его существования достаточно сильны, чтобы вернуть тот огромный зрительский интерес, который он привлекал в 30—40-е годы.

— А что вы можете сказать о нынешнем состоянии азербайджанского кинематографа? Не только как писателя, много пишущий для кино, но и как первый секретарь правления Союза кинематографистов республики?

— У кинематографа есть одна особенность, ставящая его в исключительное положение в ряду других искусств. Каждый фильм, создаваемый на любой студии страны, оценивается по единой всесоюзной ценностной шкале. И каждый азербайджанский фильм как бы вступает в соревнование с фильмами, созданными на других студиях страны. При такой системе, когда образно выражаясь, наши кинематографисты в отличие от коллег из смежных искусств регулярно выступают на «всесоюзных соревнованиях», свои неудачи видят гораздо лучше. Но успехи имеют гораздо больший вес. Ибо, как я уже сказал, все оценивается не по местным меркам, а по всесоюзным. И поэтому азербайджанское кино последних лет (наряду с появлением картин художественно невыразительных, вторичных по авторской мысли и по проблематике — все по тому же высокому счету) имело награды всесоюзных фестивалей, признание критики и миллионов зрителей. И это не может нас всех не радовать еще и потому, что это фильмы чаще всего обращенные к острейшим социальным и нравственным проблемам.

— Я не знаю более занятого я в то же время коммунистического человека, чем Рустам Ибрагимбеков. Он всегда окружен людьми. Он любит ходить в гости, принимать друзей. И потому я спрашиваю: «Когда же вы работаете?»

— Всегда, если учесть, что я стараюсь писать о том, что было прожито и пережито мною самим...

Беседу вел
Ф. МУСТАФАЕВ.

Набираю номер. Несмотря на позднее время, голос в трубке отозвался радостно. Не знаю интереснее собеседника, чем Рустам Ибрагимбеков. Знакомы давно: о многом переговаривали, каждое его произведение читал, а некоторые перечитывал, но а вот сказать, что знаю его, что он для меня ясен и понятен, не могу — он всегда неожидан, нов, парадоксален и даже, кажется, противоречив. Не сомневался в его готовности встретиться: эта его отзывчивость известна многим. Еду, чтобы вновь встретиться с интересным человеком, художником, выслушать, что-то принять из его утверждений и сделать своим, с чем-то, может быть, не согласиться... Диалог наш протянется далеко до полночи. А вообще-то он с перерывами тянется вот уже более двадцати лет: то дома, то у друзей, на работе или в пути (не раз ездил с ним в сельские районы).

А начался он в газете «Молодежь Азербайджана». Тогда в редакцию республиканской комсомольской газеты писатель Максуд Ибрагимбеков привел младшего брата — Рустама.

Когда Рустам вышел из комнаты, Максуд сказал мне, тогдашнему редактору «молодежки»: «Уверен, через несколько лет Рустам станет писателем».

Оснований для сомнения в прогнозе Максуда было больше чем достаточно. Рустам учился в Москве, в аспирантуре, собирался стать кибернетиком. Но все-таки хорошо, что я не оспаривал тогда Максуда, я бы проиграл. Сейчас произведения Рустама Ибрагимбекова печатаются в толстых журналах, издаются отдельными книгами у нас в стране и за рубежом, его пьесы идут в Москве, Ленинграде, Баку и других городах. Он лауреат Государственной премии СССР. Фильмы по его сценариям пользуются большой популярностью. Как-то, выступая по телевидению, космонавт Г. Т. Береговой сказал о том, что в Звездном городке сложилась традиция: перед каждым полетом в космос члены экипажа смотрят фильм «Белое солнце пустыни», черпая в нем заряд бодрости, хорошего настроения. Рустам Ибрагимбеков — один из авторов этой популярной ленты.

Прозаик, драматург, сценарист, театальный режиссер — таков диапазон исканий вчерашнего ученого-кибернетика Ибрагимбекова. Но как он пришел к этому?

— Как-то в студенческие годы забавы ради описал эпизод из собственного детства и был несказанно удивлен, обнаружив интерес к моему рассказу тех, с мнением которых считался.

Второй раз взялся за перо уже в Москве, когда был аспирантом Института проблем управления. К этому меня принудили обстоятельства: решил поступить на Высшие сценарные курсы. Написал для этого несколько рассказов и неожиданно для себя прошел по конкурсу. Через некоторое время эти рассказы опубликовали в литературных журналах. Вот тут-то я и задумался и попытался, как говорится, поглядеть на себя со стороны. Продолжая писать, еще долго не очень верил тому, что мое творчество можно воспринимать всерьез.

Однако большой резонанс вызвал уже первый опубликованный рассказ Рустама, напечатанный в «молодежке». А повесть «На 9-й Хребтовой» выдержала несколько изданий. О Баку и бакинцах писали многие. Тема города, который в начале века благодаря нефтяному буму превратился в один из крупнейших промышленных центров, была разработана в литературе М. Горьким, В. Маяковским. М. Ордубади, Дж. Джабарлы, Ширванзаде. Повесть молодого автора Р. Ибрагимбекова показала тех, о ком у нас редко писали, — бакинцев, живущих на окраине города. Она о столкновении сегодняшнего уклада жизни с представлениями, предразсудками, которые пришли в наш динамичный двадцатый век из глубин средневековья и в общем-то давно изжила себя. Она о том, как новое все сильнее врывается в эту «тихую заводи».

Язык повести был предельно приращен к жизни, он был естественным, как дыхание, и сама ее структура проста и рациональна.

— Может быть, все так. Но у меня самого есть ощущение, что потребность поскорее высказаться часто оказывалась сильнее способности найти слова, которые были бы не только средством выражения того, что совершают, чувствуют, думают мои герои, но и достаточно самодостаточным объектом моего писательского внимания. Я стараюсь писать ясно, точно... Ведь чаще всего я пишу о людях, среди которых вырос, о проблемах, с которыми сам сталкивался в жизни.

— Если исходить из вашего кредо, то вы должны были бы писать об ученых. Вы инженер, работали в исследовательском институте, знаете эту среду, этот мир. Но почему-то о них пишете меньше всего.

— Мне просто кажется, что другие смогут рассказать об этом лучше меня. А вот Баку и даже не весь этот многоликий, разнообразный город с интереснейшей биографией, а несколько его улиц и даже жителей — это мой шанс. Именно с ними связано мое ощущение: есть в этом мире нечто, пусть небольшое, что знаю только я... Мне кажется, это необходимое условие, оправдывающее дерзость взяться за перо, знаю, сколько великого уже написано твоими предшественниками и пишется современниками. Но кто же, если не ты, расскажет о людях, с которыми родился и вырос? Этот вопрос мне очень помогает работать. Отвечая на него, веришь, что вносишь свой необходимый штрих в совокупный портрет времени.

— А как тогда объяснить появление пьесы «Своей дорогой» и фильма «Стратегия риска», которые посвящены Сибири, нефтяникам Тюмени?

— Это исключение, подтверждающее правило. И были «смягчающие» обстоятельства: прототипом героя пьесы, а затем телевизионного фильма был наш земляк, геолог-нефтяник, Герой Социалистического Труда Фарман Салманов. Я несколько лет учился на нефтепромысловом факультете, работал в морском бурении и поэтому в какой-то мере был уже готов к материалу, который меня заинтересовал из-за лич.